

ББК 63.3 (5Мон) 4

*Е. В. Шелепова***Изучение памятников истории и культуры
Западной Монголии в XIX — начале XX в.****E. V. Shelepova***Study on Monuments of the Western Mongolia History
and Culture in the XIX — the Beginning of XX Centuries**

Статья посвящена истории открытия и изучения памятников культурного наследия Западной Монголии в XIX — начале XX в. Исследования были организованы российскими научными учреждениями, а также связаны с деятельностью в Центральной Азии финских ученых. Выявлены древние и средневековые курганы, изваяния, наскальные изображения, сделаны описания, зарисовки и фотографии объектов.

Ключевые слова: Западная Монголия, памятники, история, культура, религия, «оленные» камни, херексуры, тюркская культура.

The article is devoted to the history of opening and studying monuments of a cultural heritage of the Western Mongolia in XIX — the beginning of XX centuries. Researches have been organized by the Russian scientific institutions, and also connected with the activity of Finnish scientists in the Central Asia. Ancient and medieval barrows, sculptures, rock drawings are revealed, descriptions, sketches and photos of objects are made.

Key words: Western Mongolia, monuments, history, culture, religion, «deer» stones, khirigsuures, Turkic culture.

Современная Монголия занимает значительную часть Центральной Азии. Интерес к этой области со стороны России и других государств долгое время был продиктован геополитическими и экономическими причинами. Меньшее внимание уделялось культурно-историческому наследию. Между тем здесь сконцентрированы памятники разных эпох, поэтому Монголия по праву считается настоящим «археологическим Эльдorado». На протяжении тысячелетий, начиная с эпохи неолита, на монгольских просторах зарождались, переживали расцвет и закат яркие культуры, оказавшие определяющее воздействие на развитие сопредельных и удаленных регионов.

К настоящему времени степень изученности отдельных ареалов Монголии существенно различается. Сравнительно слабо освоена ее западная часть. Но уже установлено, что в эпоху поздней бронзы и раннескифское время культурное развитие Западной Монголии и Алтая было схожим. Своеобразные этнокультурные традиции сформировались в Центральной и Северной части страны. Наконец, Восточная Монголия со своей природно-экологической нишей тяготела к культурам Байкальской Сибири [1–2].

Следует подчеркнуть важность изучения процессов исторического взаимодействия Алтая и Западной Монголии. На настоящем этапе это может способствовать выработке общих концепций и стратегий геополитического, экономического развития, созда-

ния современного образовательного, информационного пространства, изучения языка и традиционной культуры. Кроме этого, Российский Алтай и Западная Монголия являются перспективной площадкой для организации культурного туризма. В этом плане особенно ценны сведения, полученные купцами, военными, чиновниками, путешественниками в XIX и начале XX в. Они заложили фундамент для научного изучения Центральной Азии в последующее время, открыв для науки значительное количество памятников и обозначив ключевые вопросы в осмыслении древних и средневековых культур.

Первые сведения о Монголии и населявших ее племенах появились во 2-й половине XIII в. благодаря поездкам в регион П. Карпини, Г. Рубрика и М. Поло [3, с. 264–266]. С XVII в. Сибирь стала осваиваться русскими землепроходцами. В связи с этим появляется интерес и к соседним территориям. Отдельные заметки о культуре и археологических объектах Западной Монголии были оставлены русскими послами (В. Тюменец, Н. Спафарий, И. Петлин) [4]. Следует отметить, что поездки тогда были осложнены почти полным отсутствием сведений о путях в Монголию и Китай. В. Тюменец побывал в Северо-Западной Монголии в 1616 г. [4, с. 4]. Им оставлены одни из первых описаний монгольской культуры, охарактеризован буддизм [4, с. 8]. Внимание русского дипломата привлекли также сведения о кочевых государствах Центральной Азии [4, с. 16–17].

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии в XIX — начале XX вв.» (№ 12-31-01222а).

Маршрут другого русского землепроходца, И. Петлина, в 1618 г. проходил по котловине Убса-Нур и Хангаю (Северная Монголия). Путешественника поразило внутреннее убранство монгольских храмов, в том числе монастыря Эрдэни-цзу, построенного на месте столицы монгольских ханов — Каракорума. Отдельно он изучал экономические основы хозяйствования монголов [4, с. 20].

Значимый вклад в освещение различных вопросов истории Монголии в 1-й половине XIX в. внес Н. Я. Бичурин (1777–1853). С 1807 по 1822 г. он занимал пост начальника Российской духовной миссии в Пекине. В Монголии исследователь побывал лично в 1821 г. по пути от Пекина до Кяхты. Результаты этой поездки изложены в труде «Записки о Монголии» [5]. Основная заслуга Н. Я. Бичурина заключается в выполненных им переводах китайских династийных хроник. До сих пор эти ценные материалы используются учеными для реконструкции истории кочевых народов хуннского, тюркского, уйгурского и других периодов. Н. Я. Бичурин по сути дела стал основателем «фундаментально-научного» профессионального направления в изучении Западной Монголии [6, с. 53].

В середине XIX в. китайские власти открывают русско-монгольскую границу, ранее фактически закрытую для любых контактов. В связи с этим обстоятельством существенно расширяются исследования в Монголии. Они стимулировались за счет геополитических планов России, были обусловлены бурным ростом промышленности в результате экономических преобразований 60–70-х гг. XIX в. Научное направление в изучении Монголии, окончательно выделившееся во 2-й половине XIX в. [6, с. 4–5], носило комплексный характер, т. е. одновременно осуществлялись географические, этнографические и другие работы. Экспедиции оснащались с помощью ряда организаций: Императорского Русского Географического общества (ИРГО), его Западно-Сибирского (ЗСИРГО) и Восточно-Сибирского (ВСИРГО) отделений, Российского археологического общества (РАО), Императорской археологической комиссии, Московского археологического общества (МАО), а также Министерства иностранных дел. К примеру, на средства и при поддержке ИРГО и ВСИРГО в Западную Монголию выезжал Г. Н. Потанин.

Приоритетной целью практически всех отрядов оставалось изучение Монголии с точки зрения ее потенциального использования в военном противостоянии с Китаем. Это определило необходимость составления подробных описаний разных районов страны, определения особенностей рельефа и гидрографии, координат важнейших населенных пунктов; давалась характеристика почвам, климату, растительности и животному миру. Проверялись имевшиеся данные о границах, высотах и астрономических пунктах.

Составленные карты использовались, в том числе, военной разведкой России.

Одним из представителей научного направления в изучении Монголии считается известный русский географ Н. М. Пржевальский (1839–1888). Монголию он обследовал в ходе Центральноазиатской экспедиции (1870–1873 гг.). Другой ученый, М. В. Певцов (1843–1902), побывал в Монголии в 1878 и 1879 гг. Его экспедиции были организованы за счет ИРГО. Их задача заключалась, главным образом, «... в производстве маршрутной глазомерной съемки на пройденном пути, в определении на нем посредством астрономических наблюдений географических координат некоторых пунктов, описании дорог и в барометрических определениях высот» [7, с. I–II]. Необходимость работ диктовалась тем, что российское правительство налаживало торговые контакты с Китаем через Монголию. Из района Усть-Каменогорска М. В. Певцов направился к хребту Сайлюгем, откуда проследовал к Ховду. Дальнейший маршрут его путешествия был связан с Южной и Юго-Восточной Монголией, а потом ученый отправился в Ургу (нынешний Улан-Батор), Улясутай и оттуда — в Кош-Агач. Экспедиция побывала также на плоскогорье Укок и в урочище Калгуты. Несомненно, М. В. Певцов имел возможность фиксировать на этой территории разные памятники. Однако конкретные данные на этот счет пока не известны, поэтому необходимо их выявление в архивах. В Монголии исследователь отметил многие элементы религиозных представлений, быта и традиционного образа жизни. Например, он наблюдал «отчитывание» больного ламой [8, с. 73].

Одной из самых плодотворных была деятельность в Западной Монголии российского исследователя Г. Н. Потанина (1835–1920). Он отдал предпочтение экспедиционному методу исследований и настаивал на приоритетном значении непосредственных наблюдений над данными из источников [6, с. 57]. Первая поездка ученого началась в 1876 г. и продолжалась до 1878 г. Ее маршрут охватил котловину Великих озер, горную цепь Монгольского Алтая. В ходе путешествия был открыт ряд памятников в окрестностях Ховда и Улангома, Барнуля, Улясутая, а также около озер Убс-нуур и Хара-ус-нуур. Следующая экспедиция (1879–1880 гг.) стартовала в Кош-Агаче, прошла через хребет Сайлюгем до Улангома, а затем направилась на юг, к Монгольскому Алтаю. В работе отряда принимал участие известный исследователь А. В. Адрианов, занимавшийся дневниковой фиксацией памятников, их фотографированием и зарисовкой [9, с. 53].

Второе путешествие проходило в сложных исторических условиях. В Синьцзяне (Западный Китай) началось восстание дунган и уйгуров против цинского владычества. И хотя к 1879 г. ситуация стабилизировалась, отголоски напряженности сохранялись. В уре-

гулировании сложившейся обстановки приняли участие и российские власти. Однако поездка закончилась для Г. Н. Потанина ранее запланированного времени, так как в 1880 г. обострились российско-китайские отношения. Тем не менее ученому все-таки удалось исследовать Монгольский Алтай, добраться до Улангома и пройти на юг. По сути обследования охватили всю западную часть Монголии. Некоторые из осмотренных Г. Н. Потаниным мест ранее вообще не посещались русскими путешественниками. Были собраны уникальные зоологические коллекции, сделаны важные географические открытия, уточнены имевшиеся представления о Западной Монголии [10, с. 57, 62–63].

Благодаря Г. Н. Потанину обширное «белое пятно» на археологической карте Центральной Азии было частично заполнено. Кроме полевых наблюдений и сбора обширного материала исследователь обозначил и пытался осмыслить разные проблемы археологии. Из зарегистрированных древних объектов достойное место заняли «оленные» камни. Современный исследователь Д. Г. Савинов в рамках процесса изучения «оленных» камней выделил начальный этап, который как раз соотносится с работами Г. Н. Потанина. Он датирован 80-ми гг. XIX в. — 30-ми гг. XX в. и «...связан с открытием памятников и ... попытками осмысления их культурно-исторической принадлежности» [11, с. 8]. Как любые другие изваяния, они тогда назывались «каменными бабами», «менгирами» или обозначались монгольским словом «кишачило» [10, рис. 10; 11–12]. Г. Н. Потанин зарисовал такие вертикальные камни в системе р. Тэльгир-морин и на р. Читыг [13, с. 69–71, фиг. 28а — в, 29; 14, рис. на с. 167, 169], на правом берегу р. Сюндюль, на равнине между реками Буянт и Кобдо (установлены в оградках), к западу от оз. Хараа-ус-нуур в группе херексуров¹ [13, с. 66]. Неоднократно «оленные» камни встречались в «переиспользованном» состоянии (например в тюркских оградках) [13, с. 72, фиг. 31, 32]. Были отмечены характерные элементы иконографии скульптур: скошенность широкой верхней части, суженность внизу, «кружки», пояски, ожерелья, серьги и др. [13, с. 50].

Один из известных сейчас «оленных» камней открыт на плоском перевале в районе оз. Даин-гуль [14, с. 50]. Г. Н. Потанин отметил «круг» и три косые черты на южной стороне, лошадь на восточной плоскости камня. В настоящее время В. Д. Кубаревым уточнены параметры изваяния и его местонахождение [15, с. 109–110]. При тщательном осмотре на монументе обнаружены изображения пояса, чекана и второй серьги. Несмотря на то, что Г. Н. Потанин не был профессионально подготовленным археологом, достаточно большое внимание от отводил тщательной фиксации изваяний. Ученый указал, что «оленные» камни находятся в составе различных курганов, установлены

на специальных площадках (сейчас они называются «жертвенниками»), но иногда встречаются отдельно.

Все изваяния Г. Н. Потанин разделял на «отесанные» (в эту группу попали и «оленные» камни, и тюркские изваяния) и «неотесанные». В Западной Монголии он чаще видел «неотесанные» камни [13, с. 64]. Кроме того, проанализирована семантика изображений. К примеру, косые черты на «оленных» камнях он связал с особенностями расположения звезд.

В разных районах Западной Монголии Г. Н. Потанин выявил большое количество херексуров [13, с. 65, 175]. Сейчас они в основном датируются периодом поздней бронзы и раннескифским временем. По сути дела ученый первым определил круг вопросов, касающихся изучения этих интересных памятников [13, с. 49]. Было отмечено, что они распространены только к северу от Гоби. Разные херексуры обнаружены на пути от Косогола до г. Улангом по левому берегу Тэс, возле оз. Хараа-ус-нуур, в долине Буянта, Дэлзууне и других местах. В каждом случае ученый фиксировал все параметры памятников: размеры, расположение на местности (находятся у подножия гор и в степных районах, нередко рядом с зимниками монголов, одиночно или в группах), конструктивные элементы (ограда, насыпь, «дополнительные» сооружения — выкладки и др.). Иллюстрацией к полевым наблюдениям является альбом рисунков ко второму выпуску книги «Очерки Северо-Западной Монголии», где представлены практически все из известных сейчас типов херексуров [13, фиг. 1–24]. Обозначенная Г. Н. Потаниным типология сооружений предвосхитила современные разработки в этой области [16]. Выделены курган в виде каменной насыпи, без дополнительных сооружений (по словам ученого, это самый простой вариант оформления); курган с каменной насыпью и окружающей оградой («кайма»); херексуры с квадратной оградой (дополненные также лучами и небольшими насыпями из камней по ее углам); курганы с круглой оградой и лучами, сопровождающиеся иногда вертикально установленными камнями и насыпями за пределами оград и др. [13, с. 51–64]. Определены варианты нахождения «оленных» камней в архитектурной планировке херексуров (вблизи или непосредственно на их насыпи) [13, с. 64–66; 9, с. 56–57].

Возле Ховда, а также «на равнине между реками Буянту и Кобдо», в долине Харкиры и других местах Западной Монголии обследованы тюркские ритуальные комплексы («четвероугольники»); обозначена их конструктивная и планировочная композиция [9, с. 54–55]. Охарактеризованы также скульптуры типично тюркского облика [13, с. 70–74], но исследователь их более конкретно не атрибутировал, рассматривая в группе «отесанных» кишачило.

¹ Очевидно, Г. Н. Потанин называл херексурами курганы, многие из которых сейчас отнесены к разным культурам и периодам.

Необходимо отметить, что верной спутницей ученого в поездках по Центральной Азии была его жена — А. В. Потанина. Путевые наблюдения обобщены ею в отдельной работе, в которой рассматриваются история, культура, образ жизни монгольских народов. Ценные замечания сделаны относительно буддийских монастырей, своеобразного феномена буддийско-шаманского синкретизма [17].

В составе первой экспедиции Г. Н. Потанина работал известный впоследствии востоковед А. М. Позднеев (1851–1920). В указанную поездку, продолжавшуюся до 1879 г. (с 1877 г. уже без Г. Н. Потанина) он был командирован Министерством народного просвещения [18, с. 12]. В архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (СПБФ ИВ РАН) хранится дневник с путевыми заметками А. М. Позднеева, которые датируются скорее всего 1879 г. Ученый в нем описывает р. Буянту, Нарим, г. Ховд, урочище Хара-усу и другие места Западной Монголии, а также отмечает курганы и обо, буддийские культовые сооружения [19, л. 2–3, 4об, 10].

Второе путешествие исследователя (1892–1893 гг.) было инициировано Министерством иностранных дел. Его цель состояла в разностороннем изучении населения Монголии, ее экономического положения и административного устройства, перспектив российско-китайской торговли, причин антиевропейских выступлений в Китае [20, с. 93].

По большей части А. М. Позднеев интересовался этнической историей и религией монголов, письменными памятниками и фольклором [6]. Его интересовал буддизм, положение буддийского духовенства в Монголии и России [20, с. 88–89]. Из памятников старины А. М. Позднеев фиксировал только те объекты, которые хорошо просматривались на открытой местности, поэтому среди них в основном оказались вертикально установленные камни. Во время второй поездки «оленные» камни, разнообразные стелы зафиксированы в долине р. Таца, впадающей в оз. Цаган-нуур, в долине р. Шара-усу и т. д. [18, с. 201, 217–218]. А. М. Позднеев обоснованно отметил, что на «оленных» камнях далеко не всегда есть изображения оленей, поэтому неправомерно разные монументы называть одним термином [18, с. 219–220].

В Западной Монголии он осмотрел херексуры (с круглой и квадратной оградой, с насыпями по углам); у многих отмечены следы ограбления [18, с. 48]. Целое скопление таких курганов А. М. Позднеев обнаружил в долине р. Шара-усу, а также в районе слияния ее с р. Буянт [18, с. 223–224]. В тех же местах выявлены «оленные» камни [18, с. 225].

Значительный вклад в осмысление различных проблем истории Монголии внес академик В. В. Радлов. Еще в 1870 г. он побывал в районе г. Ховда [21, с. 5–6],

зафиксировав к западу от него разнотипные херексуры. Исследователь внес свой неоценимый вклад в разработку периодизации древних культур Алтая и Монголии. Предложенная им схема в общих положениях согласуется с современными научными разработками в этой области (более подробно [12]).

В 1890-е гг. в Западной Монголии работал один из выдающихся сибирских ученых Д. А. Клеменц (1947–1914). Прежде всего он известен как краевед, исследователь древней и средневековой истории Минусинской котловины, а также первооткрыватель великолепных памятников тюркской и уйгурской письменности в Монголии [22].

В 1891 г. Д. А. Клеменц работал в составе Орхонской экспедиции В. В. Радлова, организованной Императорской Академией наук. Для более детального знакомства с археологией страны он был направлен в рекогносцировочную поездку от Орхона на запад. В результате были выявлены разнообразные древние объекты [23, с. 2–3]. Частично исследователь повторил путь, пройденный ранее П. Кафаровым, А. М. Позднеевым и М. В. Певцовым. Следующая поездка ученого в Монголию состоялась в 1894 г. В том же году по ее результатам Д. А. Клеменц сделал специальный доклад на заседании историко-филологического отделения Императорской Академии наук. В нем были представлены результаты обследований археологических памятников, геологических объектов и растительности страны. Д. А. Клеменц сообщил о том, что изучил окрестности Урги и обнаружил разнообразные древние сооружения [24, с. 262]. По его словам, в районе Улясутая и Дзанхына (нынешний Завханский аймак Западной Монголии) довольно мало археологических памятников. Больше объектов — юго-западнее, на территории Гобийского Алтая [24, с. 267, 270]. Д. А. Клеменц, кроме этого, имел возможность наблюдать развитие торговли в Улясутае — крупном на тот момент городе Западной Монголии.

В результате осмотра херексуров ученый сделал вывод, что их строители расселялись и в Гобийском Алтае, но центр культуры находился в Хангае [24, с. 271]. Были также обозначены возможности реконструкции исторических судеб носителей тюркской культуры. Д. А. Клеменц указал, что ее истоки следует искать на севере Сибири [24, с. 272]. Именно благодаря исследованиям памятников обозначенной общности Д. А. Клеменц стал известен как археолог. Например, открытая им Ихэ-Ханын-норская, Хэнтэйская надписи пролили свет на некоторые моменты раннесредневековой истории Монголии [22, с. 141]. Известность также принесли работы на развалинах Каракорума и Хара-балгасуна.

В 1895 г. Д. А. Клеменц вновь отправился в путешествие по Западной, Центральной и Восточной Монголии. Результаты этой поездки отражены в по-

левом дневнике, хранящемся в Архиве востоковедов Института востоковедения РАН. В нем представлена некоторая информация по археологическим памятникам. В Западной Монголии (возле Хара-усу, Харакигуй и т. д.) Д. А. Клеменц во множестве встречал херексуры различных типов и «оленные» камни [25, л. 11об., 10, 24об., 25, 29об., 38, рис. на л. 29об., 30об., 39].

Было обследовано тюркское изваяние возле Улангома, открытое Г. Н. Потаниным [25, л. 21об., 22]. Д. А. Клеменц писал, что над камнем выстроена глинобитная избушка, а весь он увешан лоскутами [25, л. 21об.].

В 1896 г. Д. А. Клеменц предпринял очередное путешествие по Монголии, а в 1898 г. стартовала Турфанская экспедиция из Кош-Агача в направлении г. Ховда.

Во время всех названных поездок Д. А. Клеменц производил маршрутную съемку, делал многочисленные фотографии и рисунки древностей, уточнял и дополнял имевшиеся данные о Северной и Западной Монголии.

В 1899–1901 гг. по Западной Монголии проходила часть маршрута П. К. Козлова (1863–1935). Продвигаясь по р. Кобдо, ученый «по пути» отметил херексуры с оградами. Они зафиксированы и на границе Монгольского Алтая с Хангайской горной системой.

К концу XIX в. в российских экспедициях, направлявшихся для изучения Монголии, наметилось «разделение труда». Выделялись отряды, занимавшиеся археологией, антропологией и др. В результате к началу XX в. в отечественной науке сложилось понятие о Западной Монголии как целостном культурно-историческом и природно-экологическом регионе [6, с. 7].

В начале XX в. в Западной Монголии побывали многочисленные государственные деятели, военные и чиновники (Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ю. А. Сосновский, Н. Ф. Веселовский, И.-Р. Аспелин, В. В. Сапожников, Б. Я. Владимирцов и др.). Отдельный вклад в изучение культур Западной Монголии внесли финские исследователи. Их деятельность еще требует специального осмысления, а для этого необходимы переводы соответствующих публикаций на русский язык и их последовательное введение в научный оборот. Уже имеются некоторые данные по пребыванию в Западной Монголии одного из исследователей — И. Г. Гранэ (1882–1956) [26]. Он был известным географом, стипендиатом Финно-угорского общества (Финляндия, Турку). На территорию Монгольского Алтая он предпринял три поездки (1906, 1907 и 1909 гг.). Позднее по результатам археологических наблюдений были составлены специальные сообщения [27; 28]. Этот путешественник фактически первым осуществил сплошное обследо-

вание указанной части Монголии [27, Kartenbeilage 1], а уровень его научных обобщений согласовывался с самыми передовыми идеями в развитии отечественной археологии начала XX в.

Высокую концентрацию древних сооружений в Западной Монголии И. Г. Гранэ объяснял тем, что данная территория благоприятна для проживания кочевых народов; характер жизнедеятельности населения существенно с древних времен не изменился [28, с. 2–4]. При осмотре памятников фиксировались следы их ограбления или разрушения. Исследователь отметил насыщенность археологическими объектами плато Укок (Российский Алтай), долины рек Цаган-гол и Кобдо, а также территорию между городами Ховд и Улясутай. Им зафиксированы херексуры и другие курганы, «оленные» камни и тюркские изваяния, ритуальные комплексы и жертвенники. Все материалы фотосъемок и зарисовок отражены в специальном альбоме [27]. И. Г. Гранэ одним из первых довольно четко обозначил сходство сооружений из Западной Монголии и Алтая, тем самым заложив традицию рассмотрения этих территорий как единого историко-культурного ареала. Увиденные памятники древности были им разделены на следующие типы [27, Taf. I–IX; 26]:

1. «Степные могилы» (Steppengräber). Судя по описаниям, в этот тип включены тюркские оградки, чеченские курганы, херексуры с квадратной оградой и плиточные могилы. Группы «степных могил» интерпретированы И. Г. Гранэ как погребения семейные [26, с. 25].

2. «Могильные холмы» (Grabhügel). К ним относятся курганы, херексуры, чуждые могилы, киргизские могилы из Урянхайского края (Тува), Северо-Западной Монголии, плато Укок на Алтае [28, с. 8–9]. Видимо, сюда же И. Г. Гранэ включил тюркские оградки с балбалами.

3. «Каменные кладки» (Steinsetzungen). Путешественник отметил, что они имеют небольшие размеры, встречаются вместе с памятниками двух предыдущих типов, но с могилами не связаны. Больше всего «каменных кладок» находится на плоскогорьях Алтая, особенно в истоках р. Кобдо, а также в Хангае; реже — в остальных частях Западной Монголии. С «каменными кладками» связаны ряды камней, чаще неотесанных.

4. «Каменные столбы» (Steinpfiler). Встречаются отдельно, вместе со «степными могилами» или «могильными холмами», имеют различную форму, содержат рисунки и надписи [28, с. 35]. На некоторых стелах И. Г. Гранэ отметил типичные для «оленных» камней изображения: «пятиугольники», кружки и углубления, три короткие параллельные линии, оружие, тамги и др.

Все изваяния он разделил на необработанные камни; камни со следами обработки (с заглаженны-

ми гранями); камни с рисунками. Необходимо отметить, что в общих чертах данная классификация согласуется с современной типологией «оленных» камней Евразии, разработанной В. В. Волковым и Д. Г. Савиновым [11].

И. Г. Гранэ обратил внимание на то, что с помощью рисунков изваяние делится на две-три зоны, назначение которых различно [26, с. 40]. Как и А. М. Позднеев, он полагал, что название часто не отражает специфику объектов. На некоторых стелах изображения оленей вовсе отсутствуют, но имеются другие реалии [27, с. 53–54; 28, с. 45].

5. «Иллюстрации» (Bildwerke). Сюда отнесены тюркские изваяния, скульптуры животных из Восточного Хангая и Урянхая [28, с. 48–50].

6. Наскальные рисунки и надписи (Felsenzeichnungen und Inschriften). Отмечен наиболее распространенный набор сюжетов. Выявлены образцы старомонгольского, китайского и тибетского письма.

И. Г. Гранэ интересовал также вопрос реконструкции древних верований, и в этом плане он ориентировался на астроархеологические знания. Ученый исходил из предположения о наблюдениях древним населением за движением солнца. Якобы день они сравнивали с жизнью, ночь — со смертью [28, с. 18]. Движение солнца, по его мнению, отражают изо-

бражения на «оленных» камнях. «Кружок» находится на той стороне, на которую будет падать солнце в момент изготовления изваяния и его установки [28, с. 41]. «Поясок» показывает горизонт, другие изображения могут символизировать звезды.

Ряды каменных стел от могил, по мнению И. Г. Гранэ, указывают направление в сторону нахождения потустороннего мира. Кроме того, строители древних сооружений могли ориентироваться на природные объекты (священная гора и др.).

Завершая обзор, необходимо сказать, что материалы, полученные в XIX — начале XX в., показали уникальность историко-культурного развития Западной Монголии в Древности и Средневековье. Корпус открытых памятников и первые попытки их научной интерпретации стали основой для последующих исследований. Дальнейшее изучение региона подтвердило обозначенные ранее концепции и предположения, наполнив их конкретным содержанием. Кроме этого, некоторые сведения могут быть использованы в проектах сохранения культурного наследия региона. О местонахождении и внешнем виде целого ряда памятников, утраченных к настоящему времени, можно судить только по рисункам, чертежам и фотографиям, сделанным путешественниками и исследователями в XIX — начале XX в.

Библиографический список

1. Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Ранний и средний периоды бронзового века Монголии в свете открытий Международной центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Улан-Удэ, 2010.
2. Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий международной центрально-азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. — Улан-Удэ, 2010.
3. Ядринцев Н. М. Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума // Известия ИРГО. — СПб., 1890. — Т. XXVI. — Вып. 4.
4. Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. — М., 1954.
5. Бичурин Н. Я. [Иакинф] Записки о Монголии. — СПб., 1828.
6. Задваев Б. С. Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2006.
7. Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. — Омск, 1883.
8. Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. — М., 1951.
9. Потанин Г. Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии // Древности. — М., 1885. — Т. X.
10. Сагалаев А. М., Крюков В. М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. — Томск, 2004.
11. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. — СПб., 1994.
12. Шелепова Е. В. Хроника археологического изучения Западной Монголии до 1920-х гг. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. — Ховд ; Томск, 2011. — Т. II.
13. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского географического общества) : в 3-х вып. — СПб., 1881. — Вып. II.
14. Потанин Г. Н. Путешествие по Монголии. — М., 1948.
15. Кубарев В. Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: из полевого дневника археолога. — Новосибирск, 2004.
16. Савинов Д. Г., Сэрээтэрийн Урантугс. Опыт типологии херексуров // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. — Барнаул, 2007.

17. Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю : сб. ст. А. В. Потаниной. — М., 1895.
18. Позднеев А. В. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. — СПб., 1896. — Т. I.
19. Позднеев А. В. Путевые заметки и другие разнообразные записи. 1879 г. // Архив востоковедов ИВР РАН. — Ф. 44. — Оп. 1. — Ед. хр. 37.
20. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX в. — СПб., 1998.
21. Радлов В. В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). — СПб., 1896.
22. Кляшторный С. Г. Д. А. Клеменц и открытие памятников древнетюркской письменности // Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). — СПб., 1998.
23. Клеменц Д. А. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — СПб., 1895. — Т. II.
24. Клеменц Д. А. Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 г. // Известия Императорской Академии наук. — СПб., 1895. — Т. III.
25. Клеменц Д. А. Путевые дневники за 1895 г. // Архив востоковедов ИВР РАН. — Ф. 28. — Оп. 1. — Ед. хр. 89.
26. Шелепова Е. В., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования И. Г. Гранэ на территории Монголии // Немецкие исследователи на Алтае. — Горно-Алтайск, 2007.
27. Gräno J. G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journal dela Societe Finno-Ougrienne. XXVIII. — Helsinki, 1910.
28. Gräno J. G. Nordwestmongolei. Formen der Altertümer. — Helsingfors, 1910.